

пріобрѣтаемыя имъ, не должны уже обусловливать собою окончательной потери естественной гармоніи и равновѣсія его духовныхъ силъ. Ибо главное выставляемое здѣсь человѣку требованіе—не столько въ «образованіи» въ нашемъ смыслѣ (въ смыслѣ одной гимнастики ума, въ которой истина на второмъ планѣ, а главное—форма и діалектика), сколько—въ просвѣщеніи, въ смыслѣ параллельного развитія качествъ ума и сердца. «Цѣль образованія, говоритъ Ст. Милль, состоить въ томъ, чтобы внушить самую глубокую любовь къ истинѣ, не принимая въ разсчетъ результатовъ, къ которымъ можетъ повести проявленіе этой силы...» («Цивилизація»). «Не сама истина, говоритъ Лессингъ (являющій намъ поразительный примѣръ, до какой степени можетъ охватывать собою человѣка глубокая любовь къ истинѣ, къ безкорыстному исканію ея),—не сама истина, которою обладаетъ, или думаетъ что обладаетъ, человѣкъ, возвышаетъ его, но тѣ усиія, которыя онъ употребляетъ для достижениія ея. Обладаніе дѣлаетъ человѣка гордымъ и лѣнивымъ. Если бы Богъ держалъ въ правой руцѣ своей *всю* истину, а въ лѣвой—одно постоянно живое стремленіе къ ней, хотя бы съ непремѣннымъ условіемъ вѣчно заблуждаться, и сказалъ бы мнѣ: «выбирай»—я со смиреніемъ бросился бы къ Его лѣвой руцѣ и сказалъ: «Отецъ, дай! Вѣдь чистая истина—для Тебя Одного....»

Христіанство же внесло въ міръ свѣтлую идею, разрушивъ наслѣдственность грѣха. По ней, человѣкъ, хотя и не родится, какъ думаетъ гр. Толстой, на свѣтѣ совершеннымъ, и не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ «безусловной гармоніи, въ смыслѣ правды, красоты и добра», но собственными своими усилиями онъ можетъ впослѣдствіи приблизиться, до нѣкоторой степени, къ этому совершенству, къ этой гармоніи, можетъ подавить въ себѣ, силою *воли*, и